

Александр Шубин

**Преданная демократия. СССР
и неформалы (1986-1989 г.г.)**

«Европа»

Шубин А. В.

Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989 г.г.) /
А. В. Шубин — «Европа»,

Это книга в жанре свидетельства. Демократическая среда 80-х – неформалы – сначала искренне стремилась к «правильному» социализму, затем столь же искренне увлеклась – реконструируя себе идеологию по книгам – кто анархо-синдикализмом, кто линией конституционных демократов, кто еще чем-то. Неформалы составляли реальную демократическую среду в период бури и натиска горбачевской перестройки. Они шли на улицы, они обеспечивали успешность массовых акций. Старшие товарищи грамотно воспользовались энергией этой восторженной молодежи и столь же грамотно отодвинули ее в сторону, когда заняли ключевые позиции в Межрегиональной группе уже подзабытого Съезда народных депутатов. Автор был в самой гуще краткого по времени движения идеалистов-неформалов конца семидесятых – восьмидесятых годов прошлого века и пережил все стадии этого движения. This book belongs to the genre of testimony. The democratic milieu of the '80s, the informal youth groups (as opposed to Komsomol) were at the beginning quite candid in their aspirations for the «correct» socialism, but then – while reconstructing ideologies from the old books – with equal candidness they all took different paths: some were attracted by the anarcho-syndicalism while others became constitutional democrats or something else altogether. The unofficial organizations constituted an authentic democratic environment at the time of the Sturm und Drang that marked the late period of Gorbachev's Perestroika. They took out to the streets securing the success of mass actions. The elder comrades have intelligently explored the energy of that rapt youth and managed to smartly divert it when they occupied key positions in the Interregional Group of that almost forgotten Congress of Peoples Deputies. The author was in the plain centre of the short-lived informal idealists' movement of the late '70s and through the '80s of the past century and he witnessed that phenomenon in all of its stages.

© Шубин А. В.

© Европа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
ИСТОКИ	11
ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО	11
«ПОИСКИ»	13
И «ВАРИАНТЫ»	15
«МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»	16
РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ	18
«ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»	18
С ЧЕГО НАЧАТЬ?	27
КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Шубин

Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о демократической среде тех, кого в конце 80-х – начале 90-х годов называли «неформалами» или «политическими неформалами». Ввел термин «неформалы» во всеобщий оборот, если не ошибаюсь, Юрий Щекочихин в одной (или не одной) своей статье в «Литературной газете» года примерно 85-го. Сначала его применяли в основном к хиппи и рокерам, а потом и к новым низовым общественным движениям, объединениям, группам. Слово было настолько на слуху, что не требовало никаких разъяснений.

Сейчас никто не назовет «неформалами» таких персонажей современной государственной и политической сцены, как Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Андрей Исаев, Глеб Павловский, Сергей Митрохин, Владимир Рыжков. В конце же 80-х все они были именно «неформалами». Как минимум два «неформала» стали президентами – правда, не в России, а в Закавказье (Звиад Гамсахурдиа и Левон Тер-Петросян).

Книга А. Шубина позволяет уточнить многие детали нашей недавней истории, истоки всем известных событий. Например, идеи выделения России из СССР, успех которой привел к распаду Советского Союза.

Недавно я принимал участие в сугубо академической полемике на тему «кто и как развалил Советский Союз», где напомнил об участии в процессе развала тех, кто любит называть себя «патриотами». Еще в июне 1989 года народный депутат СССР, писатель Валентин Распутин выдвинул идею выхода РСФСР из состава Советского Союза. (Эту подзабытую обществом цитату из Распутина читатель встретит на страницах книги А. Шубина).

По собственному опыту знаю, как трудно избежать искажения воспоминаний. Книга у А. Шубина получилась на удивление объективной – что вообще редко бывает. Учитывая, к тому же, что автор – не только историк, но и политический деятель с весьма определенными взглядами, довольно левыми (по европейской шкале), и он их отнюдь не скрывает.

Кто-то, возможно, захочет упрекнуть автора книги в «общиноцентризме» – клуб «Община», в котором автор состоял и фактически был одним из двух (наряду с Исаевым) лидеров, действительно занимает в повествовании много места. Однако это вполне оправданно. И не только тем, что все перипетии событийной и интеллектуальной истории этого клуба Шубин, естественно, знает лучше всего. Поэтому А. Шубин избирает именно «Общину» для исчерпывающей по своей подробности характеристики внутреннего мира неформалов. И это – удачный выбор.

Опираясь на классические неформальные группы как на точку отсчета, автор представляет широкую палитру низовой демократии, подробно останавливается на драматичных конфликтах неформальных лидеров, в которых формировались истоки политической культуры многопартийности нашей страны. На страницах книги мы найдем и КСИ (Клуб социальных инициатив), и «Перестройку» (сначала одну, а потом две – «Демократическую» и «П-88»), и «Мемориал», и «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК), и Московский народный фронт (МНФ), и Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС), в создании которых роль «Общины» была или немалой (в случае с ФСОК и МНФ), или решающей (в случае с КАС).

Тот стиль политического действия «неформалов» – со всеми его противоречивыми чертами, в том числе «детскими» и смешными, – в наибольшей степени в московской политической среде концентрировался именно в «Общине» и «Гражданском достоинстве». Как раз удачно, что первая попытка обобщения истории неформального движения сделана историком, который про «Общину» знает просто все, а с «Гражданским достоинством» тесно взаимодействовал и поэтому тоже знает немало.

Если учесть, что в движении участвовали десятки историков по профессии или образованию, то даже удивительно, что о нем написано так мало. Кроме прежних публикаций А. Шубина, который обращается к теме уже не в первый раз, стоит, например, отметить вышедшую микроскопическим тиражом работу Юрия Скубко, описавшего историю создания «Демократического союза».

А. Шубин замечает об обстоятельствах складывания идеологии общественных деятелей и их дальнейшей политической траектории: «многое зависело от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую потом» (сразу хочется предложить примеры: «Архипелаг ГУЛАГ», «К суду истории», «Протоколы сионских мудрецов»...). Но это относится не только к идеологическим и политическим сюжетам, а и к истории, литературе, культуре.

Я полагаю, что те, у кого стартовой площадкой изучения политики России конца 80-х годов окажется новая книга Александра Шубина, об этом не пожалеют.

*Владимир Прибыловский,
президент информационно-исследовательского центра «Панорама»*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга для тех, кому интересна эпоха перемен. Кто видит в переменах не только бедствие, но и возможность что-то изменить к лучшему. И у первых, и у вторых своя правда, но каждому важно понять, как складывается соотношение бедствия и освобождения, индивидуальных амбиций и человеческой солидарности. А для этого нужно знать реальную анатомию событий, реальные факты, а не мифы, достаточные для обывателя. Эта книга для тех, кому важно знать, как «раскручиваются» перемены.

Эта книга и для тех, кто мечтает о революции, или о «бархатной» революции, или о «бархатной революции» (даже простая перестановка кавычек позволяет нам понять разницу между имитацией событий и реальными переменами). Эта книга и для тех, кто видит в революциях и массовых выступлениях опасность, кто желает противостоять натиску толпы.

Эта книга о чем-то более важном, чем просто период конца 80-х годов. Здесь описан образ жизни, который отличается от привычной большинству наших современников повседневности. Эта книга – о решающем этапе становления советского гражданского общества, когда оно в наибольшей степени стало образом будущего, когда оно «потянуло» советское общество к этому будущему. Сегодня футурологи спорят, как будет выглядеть постиндустриальное общество. Будет ли оно информационным, манипулятивным, креативным, основанным на горизонтальных корневых сетях или виртуальной разобщенности? Насколько оно использует наследие консервативной, либеральной и социалистической мысли. Неформальное движение 1986—1989 годов было полигоном, который позволял заглянуть в будущее на примере конкретного опыта.

История неформалов состояла из событий, которые в жизни этого поколения (а то и предыдущего) происходили впервые. Первое публичное оппозиционное выступление, которое не ведет к репрессиям, первая демонстрация, первая легальная независимая газета, первая конференция оппозиционных сил. То, о чем сегодня мы говорим как об обыденности, тогда было маленьким подвигом с огромным риском и непредсказуемым результатом. Сегодня мы привыкли к полетам на самолетах, и аэропланы начала XX века кажутся нам нелепыми эталонами. Но без этой рискованной нелепости был бы невозможен современный мир.

Советские люди того времени жили в условиях информационного вакуума, и если они не соглашались с прочно сколоченной догматической общепринятой точкой зрения, им приходилось искать мировоззрение на ощупь. Многие зависели от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую потом. Мировоззрение вольномыслящих людей напоминало пустую комнату, в центре которой стоит огромных размеров марксистско-ленинский стол. Его можно было выкинуть или, отпилив куски, разместить в углу. Но, освободив комнату от обломков, дальше следовало как-то обставлять ее, причем в условиях дефицита мебели где-то выискивать «стулья» социальных и философских доктрин, «шкафчики» исторических тайн, которые теперь знает каждый школьник. Неформалы СССР завидовали бы нам, нынешним, перегруженным информационными потоками. Они не слушали исторических передач Эдварда Радзинского, не читали книг математика Фоменко, отрицающего существование Древнего мира, не видели крикливых дебатов по телевидению о текущих политических событиях.

С другой стороны, поколению, мировоззрение которого формируется на грани XX и XXI веков, есть в чем позавидовать им – ведь прежде чем обустроить комнату, из нее следует вынести мусор. А нынешние мировоззренческие комнаты завалены информационным мусором. И если расчищать завалы своего сознания, то полезно присмотреться к опыту тех, кто в совершенно иных условиях преодолевал идеологические мифы, выносил мусор догматов, образовавшихся в ходе этого нелегкого ремонта, жил в восхищении от чуть ли не ежедневных откры-

тий, от самого поиска истины. Той истины, которая тогда была скрыта за дверями запретов, а сегодня – за потоком информационного мусора, мифов эпохи постмодерна.

Описывая опыт неформального движения 1986—1989 годов, автор сталкивается с несколькими трудностями, неведомыми большинству историков прошедших эпох. Он знает события, о которых повествует, «изнутри». И в то же время не желает писать мемуары. Ибо мемуары одного человека слишком субъективны, чтобы на их основе можно было понять ход событий. Память услужливо искажает события в пользу говорящего. Поэтому автор предпочитает предоставлять слово себе как участнику событий лишь постольку, поскольку сохранились документы того времени, которые помогают проверить память. Посмотрим на это время глазами других свидетелей, которых легко поправить, когда со стороны заметна их тенденциозность. Поправить себя в таких случаях сложнее. Автор оставляет за собой одно преимущество – участника, «инсайдера»: он знает, где искать свидетельства, связи событий и людей, знает, кто склонен приукрасить свою роль и возвести напраслину, а кому можно доверять в большей степени, даже если он говорит нечто неприятное. Автор не ставит перед собой задачу оправдать неформалов или обвинить их. Он не юрист, он – историк.

Еще одна сложность – угол зрения. Обычно история пишется «извне» события, а не «изнутри». Картина «с птичьего полета» более объективна – каждому фрагменту событий отмерено свое место и свой объем информации. Никто не упрекнул бы меня в этом случае в том, что я «выпячиваю» роль одних в ущерб другим. Но при взгляде «с птичьего полета» потеряется множество деталей – ведь объем книги ограничен. А без этих штрихов исчезнет неповторимый аромат истории, микросреда, в которой вываривались события, «человеческий фактор», который в действительности не сводится к «великим личностям» Михаилу Горбачеву, Борису Ельцину, Андрею Сахарову и т. п.

Нет, как хотите, но я поведу вас другой дорогой.

Наша экскурсия углубится в самые недра общественного движения 1986—1989 годов. Мы пройдем тем путем, которым в юности шел автор, будем встречаться с его знакомыми, а также со знакомыми его знакомых. Это – выигрышная позиция для наблюдения реальной истории. Здесь и микросреда конкретной и во многих отношениях типичной общественной группы того времени – «Общины». Именно на примере этой группы мы рассмотрим микромир неформальных организаций, что позволит нам лучше понять жизнь этого сообщества в целом. «Община» расположена в непосредственной близости от центра, мейнстрима неформального движения. Отсюда вы сможете все хорошо разглядеть. Рядом тянутся нити к народной стихии и к загадочному тогда (но очень хорошо известному в начале XXI века по мемуарам) миру ЦК и «прорабов перестройки». Но это – не мир неформалов, и мы осмотрим эти связи пунктирно. Также в общих чертах или на примере наиболее ярких эпизодов мы увидим движения, расположенные в стороне от основного потока – будь то Демократический союз, педагоги-коммунары и так далее.

И еще одно. Это экскурсия по Москве. События в Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Средней Азии, в каждом из городов России, Украины, Белоруссии, таких в сущности похожих в то время, достойны отдельного повествования. Но согласимся: в то время главное политическое сражение шло в Москве. И поэтому если о чем-то говорить подробно, то сначала о столице.

В эпицентре нашего повествования мы встретим людей с идеями. В истории идеи иногда значат больше, чем действия, и мы внимательно рассмотрим, что тогда предлагали эти люди стране. Это тем более интересно, что авторы проектов 1986—1989 годов не знали того, что мы знаем сегодня. Но революционная эпоха требует внимания и к идеям, и к действиям. Нас будут прежде всего интересовать идеи тех, кто действовал.

У многих из этих людей уже тогда было большое общественное прошлое, в том числе диссидентское. У многих из них будет заметное будущее – они станут журналистами, бизне-

сменами, чиновниками, депутатами и другими «телевизионными головами». Они станут очень разными, пройдя неформальную школу. Но звездный отрезок их биографии состоялся в то время, когда они пытались сыграть свою партию в оркестре исторических Событий. Не всем это дано. Хотя все готовы судить игру тех, кто действовал. Но если вы думаете, что смотрелись бы лучше – попробуйте хотя бы повторить, сыграть свою роль в новом Событии. Но тем, кто остался пассивным наблюдателем, нечего обижаться, если не нравится результат Истории. Она зависит от людей, в ней участвующих, от их опытности и неопытности, рассудка и эмоций, ошибок и мудрости. От знания опыта предшественников и умения учитывать его. Эта книга – об опыте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИНИЦИАТИВЫ И ПОДПОЛЬЕ

ИСТОКИ

ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО

В СССР, ВОПРЕКИ современным мифам и легендам о нем, существовало множество автономных общественных движений. В 1956 году стартовало коммунарское педагогическое движение, в 1958—1960 годах – движение дружин охраны природы, в 60-е бурно развивалось песенное движение, причем сразу двумя потоками – рок-движение и клубы самодеятельной песни. А еще существовали многочисленные краеведческие клубы, литературные течения и религиозные секты. Эти движения были массовыми, вступали в сложные и иногда конфликтные отношения с властями, вырабатывали собственную систему взглядов.

Вспоминает В. Л. Глазычев¹: *«Наряду с неформалами существовали полуформалы. Это была никак не отстроенная полусеть полуформальных структур, в которой люди хорошо знали друг друга. Они ютились в самых неожиданных местах, кочевали, давали убежище друг другу. Когда лидер Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкий был изгнан из партии и был вынужден уйти с работы во ВНИИ технической эстетики за то, что подписал письмо в защиту диссидентов, его приютили в Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР, обеспечивавшей*

---

¹ Вячеслав Леонидович Глазычев в 1963-м окончил Московский архитектурный институт. В 1968 году защитил диссертацию по проблемам дизайна и массовой культуры, кандидат философских наук, автор статьи «Массовая культура» в БСЭ. В 1978 году защитил докторскую диссертацию об организации архитектурного проектирования, но она не была утверждена ВАКом. В 1994 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Культурный потенциал городов». В 1987-1988 годах – секретарь Союза архитекторов.

этому союзу графу отчетности „связь с жизнью“. Кстати, Щедровицкий не был диссидентом. Я ему задавал вопрос: почему ты подписал, ты не должен был подписывать, ведь твоя функция – тащить свое дело, и ты подставляешь это дело. Он ответил, что это – друзья, давление среды, которое заставило этого абсолютно логического человека поступать по велению сердца, а не разума. И отдел теории дизайна ВНИИ технической эстетики, и Центральная учебно-экспериментальная студия, и молодежная секция Союза архитекторов были очагами этой сети мощных дискуссионных клубов, летних школ и семинаров, где под предлогом теории дизайна или чего-то еще обсуждалась структура общества, взаимодействия между экспертами и властью, тысячи вопросов абсолютно внецензурных, хотя все чуть-чуть „блюли приличия“, не называя вещи своими именами. Эти дискуссионные очаги были связаны с целым рядом изданий. Среди выделялись „Знание – сила“ с его отделом фантастики, „Декоративное искусство“, где была напечатана первая статья Льва Гумилева. Редакции этих журналов фактически были дискуссионными клубами. И все эти „очаги“ более или менее друг о друге знали»².

Разделение на неформалов и «полуформалов» до начала перестройки фактически отсутствовало. Полуформалы были неформалами, которые смогли обзавестись статусом, позволявшим использовать государственные учреждения в интересах неформальных структур. Но через очаги общественного движения проходило множество людей, которые были не организаторами, а «потребителями» этой творческой среды, и их круг был куда шире, чем собственно неформальный актив. Позднее, уже в ходе перестройки, между разными поколениями общест­венности обнаружится существенное поколенческое различие, где важную роль будет играть социальный статус. Политические неформалы 80-х вступят в сложные отношения с шестидесятниками, представителями статусной либеральной интеллигенции, некоторые из которых сами в прошлом прошли через структуры, аналогичные неформальным.

Накануне перестройки в кругах интеллигенции кипели идейные дискуссии, тысячи людей передавали друг другу самиздат самого разного (не всегда оппозиционного) содержания, обращали внимание друг друга на «наши» статьи в официальной прессе. Наконец, открыто оппозиционные взгляды выдвигало диссидентское движение. Все это позволяет говорить о том, что в СССР существовали сектора гражданского общества³.

Из-за авторитарного характера режима полноценное гражданское общество не могло возникнуть, так как каждый сектор был изолирован от большинства других. Были ограничены возможности выдвижения обществом самостоятельных социально-политических задач. А без этого отсутствует важнейший признак гражданского общества – гражданственность, социально-политическое давление на государство.

Диссидентское движение пыталось выполнять эту миссию, но оно было изолировано от остальных движений в силу своей идеологии, методов деятельности. Диссиденты воспринимали остальное общество как часть враждебной им «системы».

Вспоминает Г. О. Павловский⁴: *«Диссиденты жили в противостоянии Системе. Сама идея противостояния предполагала, что*

---

² Здесь и далее воспоминания В.Л. Глазычева записаны во время беседы с автором 2 июня 2005 года.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам: СССР в 1977—1985. – М., 2001. – С. 336—586.

⁴ Глеб Олегович Павловский в 1973 году окончил исторический факультет Одесского государственного университета и стал работать учителем. Участвовал в подпольном кружке, занимал леворадикальные позиции. С 1972 года участвовал в диссидентском движении. Когда это стало слишком заметно, «молодого учителя» уволили из школы. В 1976—1982 годах трудился столяром. В 1978—1980 годах входил в редколлегия самиздатского журнала «Поиски». В 1982 году за участие в диссидентском движении осужден на 5 лет ссылки. После возвращения из ссылки стал заместителем главного редактора

ничего другого нет – есть Система и ее люди, и есть героические и малочисленные участники того, что называлось по-разному: „Движение“, „Сопротивление“, „Демократическое движение“, „диссидентство“. Большие ничего нет и быть не может.

В силу успешной по-своему модели юридического противостояния диссидентское движение не могло расширяться. Когда приходили люди с предложениями политической борьбы, диссидентская среда их не принимала.

Диссиденты по идее Вольпина отстаивали существующую конституцию, а потом Хельсинкские соглашения. А если люди хотели бороться не за юридические поводы – было неясно, куда их приштандорить – при чем здесь конституция. Мы политикой не занимаемся, мы права защищаем»⁵.

В конце 70-х – начале 80-х годов предпринимались попытки оппозиционных групп выйти из изоляции. Характерно, что позднее некоторые участники этих событий станут лидерами неформалов.

«ПОИСКИ»

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕТЬ разрыв инакомыслящих с окружающим миром обсуждались в московском самиздатском журнале «Поиски», где печатались такие люди, как П. Абовин-Егидес, П. Пыжов (Г. Павловский), В. Абрамкин и другие. В журнале собрались люди преимущественно левосоциалистических взглядов, но сотрудничали и либералы. В дальнейшем мы будем употреблять это слово в кавычках – «либералы» (или «либеральные коммунисты») – сторонники некоторой «либерализации» советской системы, расширения в ней свобод. Понятно, что «либералы» не являются собственно либералами – сторонниками западной экономической (капитализм, частная собственность, финансовый рынок и так далее) и политической (многопартийность и так далее) системы. Либералы без кавычек появляются из диссидентской среды и будут действовать в неформальном движении сначала как его меньшинство. В диссидентском движении либерализм в собственном смысле слова только вызревал и не стал господствующим течением.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Нельзя забывать, что диссидентское движение – это движение советско-идеалистическое. В ранней фазе оно себя очень четко дистанцировало от антисоветских групп. Оно отказывалось определиться как антикоммунистическое. Были лишь отдельные люди и кружки, стоявшие на антикоммунистических позициях, но они не составляли большинства. Резковатых на словах людей подозревали в том, что они связаны с Комитетом. В этом была некоторая провокационность, больше полезная для наших противников, чем для нас. Это касается и действий, и разговоров, и антикоммунизма. Во время диссидентского движения Виктор Сокирко под псевдонимом Буржуадемов был почти единственным ходатаем буржуазного развития. С ним не соглашался практически никто, включая академика Сахарова. Все хотели чего-то другого. А когда капитализм пришел, он его настолько ужаснул, что Сокирко закрылся от этого нового мира, пытаясь и сейчас жить по-*

журнала «Век XX и мир», председателем совета директоров информагентства «Постфактум» (до 1993 года). В 1993-м возглавил редакцию журнала «Век XX и мир». С 1995 года – директор Фонда эффективной политики.

⁵ Здесь и далее воспоминания Г.О. Павловского записаны во время беседы с автором 29 апреля 2005 года.

диссидентски. Он даже свои памфлеты против меня сейчас печатает на гектографе».

«Поиски» искали синтез идей, которые могли бы лечь в основу плавного реформирования «системы» и в то же время получить поддержку хотя бы части советского общества, включая и реформаторское крыло правящей элиты. Это был не единственный мозговой центр того времени, но обсуждение в «Поисках» было характерным для этого времени.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Мы с Гефтером и Игруновым⁶ искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество – это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности? Ведь источником русского марксизма является в том числе и русская классическая литература с ее идеалом справедливости. Это наша идентичность.*

Мне тогда рассуждения сторонников экономического либерализма казались труднопроверяемыми. Но я старался не думать об этом, как и многие. Я был сторонником постепенной либерализации Советского Союза. Политическая свобода не казалась мне достаточной ценностью, чтобы ради нее можно было пожертвовать государством. Я был государственным, и всегда очень настороженно относился ко всему, что может разрушить государство. У нас по этому поводу была в 1981—1982 годах большая полемика в самиздате с Игруновым и Сокирко. Я считал, что Андропов был гарантом системности советского строя. Пока вы рветесь к пульту, но не знаете, на какие кнопки будете нажимать, то пусть пока будет Андропов.

Буржуадемов выступал за создание буржуазно-либеральной партии, которая выступала бы как оппонент КПСС за развитие экономических свобод. А где тогда окажутся СМИ? А СМИ дадут коридор наиболее речистым и экономически сильным, причем в каждой республике. А что вы будете делать с проблемами Грузии, Абхазии и Армении? Уже после разгрома «Поисков» я пытался создать «третью силу», писал открытые письма Андропову и Черненко, призывая здоровые силы в недрах Политбюро к проведению ответственной государственной политики».

Так формировалась стратегия общественного движения, ориентированная на связь независимого интеллектуального центра с реформаторами в партии. Интеллектуалы в силу своей независимости лучше понимают ситуацию и выступают в качестве ответственных советников. Но что заставит реформаторов слушать именно их, а не своих штатных советников из академиков и аппаратчиков?

---

⁶ Вячеслав Владимирович Игрунов учился на экономиста в Одесском институте народного хозяйства. В 1965—1966 годах входил в подпольный марксистский кружок, затем перешел на либеральные позиции. С начала 1970 года был связан с группой, выпускавшей самиздатский журнал «Поиски». В марте 1975-го был арестован по обвинению в клевете на советский строй, признан невменяемым и освобожден в 1977 году. В июне – августе 1988 года он был одним из основателей Московского общественного бюро информационного обмена, на базе которого в 1991 – м был создан Институт гуманитарных и политических исследований. Стал его директором. В 1993 году избран депутатом по списку «Яблока». В 2003-м, обвинив Явлинского в авторитарных методах руководства и других грехах, создал партию с многообещающим названием СЛОН («Союз людей за образование и науку»). Образование и наука не поняли юмора, и на выборах 2003-го СЛОН успеха не снискал.

И «ВАРИАНТЫ»

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ к этому вопросу подошли «молодые социалисты», группировавшиеся вокруг журнала «Варианты». Он издавался кружком знакомых, который сложился еще в университетские годы и начал участвовать в нелегальной работе с 1976 года. В него входили А. Фадин, П. Кудюкин⁷, М. Ривкин, В. Чернецкий, Ю. Хавкин, И. Кондрашев. Группа «Вариантов» контактировала с диссидентами и членами зарубежных компартий.

Павел Кудюкин⁸ так определяет свои взгляды того времени:

«Левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Мы с Фадиным западное общество не воспринимали как что-то изолированное, оно было тесно связано с третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными „новыми левыми“. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику – индикативному планированию. Нашими целями были экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне, возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»⁹.

С «Вариантами» сотрудничал Борис Кагарлицкий, который в 1978 году стал издавать самиздатский журнал «Левый поворот» (первый номер вышел в 1979-м). В 1980 году журнал вышел под названием «Социализм и будущее». Взгляды Бориса Кагарлицкого могут быть определены как вариант еврокоммунизма.

Идеологический спектр обоих изданий был относительно широк – от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей «Вариантов» и «Левого поворота», сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985—1989 годах. Но именно поэтому они представляли реальную опасность для монополии КПСС

---

⁷ В 1973 году студенты исторического факультета МГУ И. Долуцкий, П. Кудюкин и А. Фадин выпустили стенгазету сатирического содержания, за которую Долуцкий был исключен из комсомола и университета, а другие участники подверглись взысканиям по комсомольской и административной линиям (так называемое дело Долуцкого). Кудюкин был инициатором сбора подписей в защиту Долуцкого. Так друзья попали в поле зрения КГБ. Несмотря на это, по окончании МГУ в 1976 году им удалось поступить на работу в престижный институт ИМЭМО, известный тогда как оплот вольномыслия. Кудюкин стал аспирантом и писал диссертацию, а Фадин – младшим научным сотрудником. В начале XXI века Долуцкий вновь оказался в центре скандала как автор идеологизированного учебника истории, который был лишен Министерством образования грифа «рекомендовано».

⁸ Павел Кудюкин в 1990 году стал депутатом Ленинградского районного Совета Москвы (избран при поддержке предвыборного блока «Демократическая Россия»), В 1991—1993 годах был заместителем министра труда РФ и занятости РСФСР (с июня 1992 года – заместитель министра труда). В 1994—1995 годах участвовал в организации Социал-демократического союза. Затем отошел от активной политической деятельности. Занимается исследовательской и преподавательской работой.

⁹ Здесь и далее воспоминания П. Кудюкина записаны во время беседы с автором 23 сентября 1994 года.

на власть и ее преобразование. Особые опасения вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистичности, с надеждой всматривались в польский опыт, обсуждая возможности повторения подобных же событий в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации. Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых». Но идея создания левой Федерации, лояльной КПСС, но оппозирующей ей, осталась в «копилке идей».

«МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

В АПРЕЛЕ 1982 ГОДА были арестованы «молодые социалисты» Б. Кагарлицкий¹⁰, П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, А. Шилков, а позже – М. Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т. н. „Федерации демократических сил социалистической ориентации“ для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из „теоретических“ документов, что „... коммунизм советского образца – преступление против человека и человечества, а СССР – нравственный застеноч миллионеров“... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»¹¹.

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела выходы на придворных либералов, могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРа. Поскольку двое арестованных (Фадин и Кудюкин) работали в ИМЭМО, их арест был использован противниками директо-ра института Николая Иноземцева для травли «гнезда ревизионистов». Конфликт в высшем экспертном сообществе СССР придал делу Фадин – Кудюкина дополнительный резонанс¹².

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин во время допросов сообщили сведения, которые позднее были использованы судом для «изобличения» М. Ривкина. Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А. Фадин, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»¹³.

Б. Кагарлицкий, А. Фадин, П. Кудюкин и другие участники группы были освобождены в соответствии с Указом о помиловании 25 апреля 1983 года, после того как подписали заявление об отказе от продолжения антисоветской деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Юрием Андроповым) – уникальный случай в советской юридической практике. Не подписавший заявление М. Ривкин был в июне 1983 года осужден (семь лет лагерей и пять лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве

¹⁰ Борис Кагарлицкий был студентом ГИТИСа. В 1979-м он стал кандидатом в члены КПСС. Но КГБ выяснил, что подающий надежды студент ведет «двойную жизнь» диссидента-подпольщика, и в 1980-м Кагарлицкий был исключен как из кандидатов, так и из института. В 1990 году Кагарлицкий был избран депутатом Моссовета. В том же году он стал лидером Социалистической партии, но в силу ее маловлиятельности стремился вместе с другими левыми марксистами и синдикалистами (прежде всего А. Исаевым и А. Шершуковым) создать более мощную левую организацию – Партию труда. Этот проект также не удался. Кагарлицкий сосредоточился на исследовательской и журналистской работе – возглавил Институт проблем глобализации.

¹¹ См.: Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 239—240.

¹² Подробнее см.: Черкасов П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. – М., 2004. – С. 483—530.

¹³ Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 241.

свидетелей «молодые социалисты» отказались подтвердить показания, способные изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников. Кагарлицкий обвинял в происшедшем Фаина и Кудюкина. Ривкин, освобожденный в 1987 году, перед отъездом в Израиль в 1989-м выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фаина и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фаина и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80-х годов¹⁴.

Глеб Павловский, также «зачищенный» в апреле 1982 года (в эту волну арестов попало более ста человек), так комментирует этические проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в начале 80-х: «Я не склонен делить диссидентов на „кошерных“ и „некошерных“. Меня больше травмировали телепокаяния видных диссидентов. Тем более, мое поведение тоже не было вполне „кошерным“. Я был арестован в январе 1980 года и поставлен перед выбором – посадка или эмиграция. Ни то ни другое меня не устраивало, поэтому я заключил с ними соглашение – прекратить вести общественную деятельность. Это соглашение я нарушил.

Апогеем моего диссидентства стала такая «журналистская авантюра» – мы с крыши фотографировали суд над Абрамкиным. А потом мне захотелось выразить свое отношение, и я камнем швырнул в окно суда. Меня преследовали, я прыгнул с крыши и сломал ногу. Полиция меня не нашла, я был прооперирован по чужому паспорту. Вскоре меня вычислили по оперативным данным, но доказательств у них не было. Они меня просто вызвали и сказали, что наши договоренности не действуют. Моя позиция становилась все более умеренной как раз в это время. Если бы я сидел тихо, меня, может быть, и оставили бы в покое, но я писал открытые письма вождям СССР. А тут решили присоединить к списку на зачистку. 6 апреля 1982 года была большая посадка. Дочистили «Поиски» и посадили «Варианты».

После ареста я дал показания на себя и тех, кто уже уехал из СССР. В итоге мне дали пять лет ссылки, но после года в тюрьме мне оставалось сидеть три. Уже в 1984 году, приехав в отпуск из ссылки, я застал диссидентское движение разрушенным. Люди эти существовали, продолжали жить, но среда исчезла».

Посадки 1982—1983 годов добились диссидентское движение и надломили многие характеры. Горстка оппозиционеров, державшая на своих плечах инфраструктуру диссидентства, устала быть героями. Когда перестройка откроет перед общественным движением новые возможности, большинство из них останется в стороне от активной деятельности. И те, кто вернутся к оппозиционной жизни, решатся на это после того, как неформалы сделают процесс необратимым.

---

¹⁴ Дело Кагарлицкого // Солидарность. – 1991. – № 12; Гласность. – 1989. – № 29; Беседы с П. М. Кудюкиным и Б. Ю. Кагарлицким.

РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

«ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

ВЗГЛЯДЫ БОЛЬШИНСТВА неформальных лидеров формировались вне связей с диссидентским движением. В этом отношении история левых диссидентов важна, но для неформалов нетипична. Первому поколению неформалов приходилось конструировать взгляды, опираясь на доступную открытую литературу. Последовательность фактов, становившихся известными человеку, во многом определяла его дальнейшее развитие на весь период. Дальнейшие факты уже сортировались этой матрицей. Либеральная матрица ставила на первое место ценность индивидуальной свободы.

Если человек был шокирован информацией о «преступлениях против личности» времен сталинизма, то страх перед повторением террора и подавления индивидуальности перевешивал угрозы социальных бедствий. В этом случае главным злом становился коммунистический режим, искоренение которого решало важнейшие проблемы общества. Если же сначала человек приходил к осознанию, что советское общество не соответствует идеалам социального равноправия, обнаруживал социальные язвы на его теле, то главное зло виделось в социальном устройстве, как правило – в эксплуататорском бюрократическом классе. Эта логика вела к социалистическим убеждениям, противостоящим как сталинизму, так и либеральному западничеству. Этот второй путь мы рассмотрим на примере основателей группы «общинных социалистов», с которыми мы часто будем встречаться на страницах этой книги. Они важны для нас еще и потому, что развитие их группы относится уже не к предыстории, а к истории перестройки. Они оказались неформалами первого поколения, первоначально практически лишенными связи со старшими товарищами по общественному движению.

Система идей «общинного социализма» была выработана в дискуссиях двух студентов истфака Московского государственного педагогического института – Андрея Исаева и Александра Шубина, автора этой книги. Так что дальше я иногда позволю себе говорить от первого лица. В наших обсуждениях-марафонах часто участвовал наш одноклассник Владимир Гурболиков. Истфак МГПИ был одним из оазисов вольномыслия, каких было уже немало в первой половине 80-х. Высокое качество гуманитарного образования сочеталось здесь с демократизмом – МГПИ был гораздо менее элитарным вузом, чем МГУ, студенты были ориентированы на подвижническую профессию школьного учителя. Эта среда была сродни разночинской и отчасти народнической по своим господствовавшим ценностям и психологическим стереотипам.

Конечно, обстановка в МГПИ не была диссидентской, здесь существовал полный набор структур авторитарного контроля за умами, характерный для доперестроечного СССР. Но в то же время в самый разгар андроповского времени на истфаке велись публичные дискуссии об «азиатском способе производства», ставившие под сомнение официальную историософскую схему, шла борьба между западниками и славянофилами, иногда выливавшаяся в открытые конфликты даже в профессорской среде. На этой благоприятной почве произрастали коммунарские, патриотические, либеральные плоды. Мы пошли по пути социалистической идейной традиции.

В становлении взглядов Андрея Исаева большую роль сыграл подпольный кружок, в котором он состоял с 1982 года, основанный юными радикалами Николаем Кузнецовым и Алексеем Василевским в 1979—1980 годах и постепенно принявший марксистскую ориентацию (при этом Николай Кузнецов был плехановцем и антиленинцем). После возвращения из армии Андрей Исаев, «радикализированный» армейской обстановкой, настаивал на активизации работы кружка. Подпольное сообщество получило политизированное наименование

«Оргкомитет Всесоюзной революционной марксистской партии (ОК ВРМП)» и даже внедрило своего человека (бывшего однополчанина Исаева) на завод им. Ленина. Здесь члены кружка (прежде всего Алексей Василицкий) читали некоторое время «подрывные» лекции (вскоре администрация быстро прекратила доступ лектора к рабочим). Одновременно ОК ВРМП даже выпустил программный бюллетень в единственном экземпляре (его давали читать сочувствующим).

К середине 1985 года двадцатилетний Исаев прошел идейную эволюцию, уже включавшую несколько революций. Первые, еще детские свои политические пристрастия он характеризовал как стихийный анархизм, неприятие существующих порядков. Затем его увлекла стройность марксистского учения. Юношеский радикализм и темперамент придали марксизму Исаева левацкую направленность. Он считал необходимым бороться с мелочничеством и капиталистическими чертами общества сверху. Однако в институте, общаясь с оппозиционно настроенными товарищами (Алексеем Василицким и Владимиром Губаревым), Исаев стал склоняться к идее революции против сложившегося режима.

Его оппозиционность укрепилась после призыва в армию. В 1983 году он считал, что в стране сложился диктаторский государственно-капиталистический режим, который может быть свергнут демократической социалистической революцией. По взглядам он был близок к идеям Владимира Ленина, изложенным в работе «Государство и революция». Идеи этого периода оценивались им позднее как антигосударственные, но и антианархические. В армии Исаев и его сослуживцы создали небольшой кружок, занимавшийся нелегальной пропагандой. Офицеры догадывались о его существовании и даже нашли секретную тетрадь с иносказательными записями оппозиционного содержания, но дальше устных обвинений в троцкизме дело не пошло¹⁵.

В качестве легальной трибуны кружок использовал комсомольскую организацию, которая в результате стала действовать как профсоюзная, отстаивавшая права солдат.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы служили в роте охраны. Дедовщины там не было, но была эксплуатация всей роты как таковой. Через день ходили то в караул, то на стройку. „Офицер“ очень „рвал“ перед начальством – ему что-то обещали за досрочную сдачу объекта. Выспаться не давали. Поэтому солдаты засыпали прямо на стройке, падали, опаздывали везде. И все это трактовалось как нарушения, а комсомольскую организацию заставляли выносить взыскания. Я был в бюро ВЛКСМ. И тогда комсомольское собрание, признав нарушение воинской дисциплины у очередного проитрафившегося, вынесло „частное определение“ в адрес командования части о том, что солдатские нарушения являются следствием нарушения устава офицерами. Это вызвало свирепую реакцию, мы некоторое время вообще не могли собрать комсомольское собрание. Активность свою нам пришлось свернуть, но и командование посылки на стройку прекратило»*¹⁶.

После возвращения из армии Исаев под влиянием Кузнецова на некоторое время увлекся Плехановым (не в ущерб авторитету Ленина). Одновременно он размышлял над проблемой бюрократизации рабочего движения, когда реальная власть от имени рабочих переходит в руки вождей. Исаев считал необходимым периодическое свержение вождей в пролетарской партии. Но как избежать при этом расколов и распада организации? Ответ пришел с неожиданной стороны – обучаясь на историческом факультете, Исаев взялся готовить доклад о Сергее Нечаеве и задел тему бакунизма. Первое же знакомство с работами Михаила Бакунина показало, что

---

¹⁵ Ранняя эволюция взглядов А. Исаева описана им в беседе с автором и воспроизводится по записи 1986 года.

¹⁶ Исаев А. К. Беседа с автором 21 апреля 1998 года.

этот теоретик решал как раз те проблемы, которые стояли перед Исаевым. По мере изучения бакунинских работ (начиная с фрагментов «Государственности и анархии», опубликованных в сборнике «Утопический социализм в России», и кончая собранием сочинений, выпущенным анархистами в 20-е годы) Исаев все яснее осознавал себя бакунистом. Первое время это не мешало ему считать себя также марксистом и ленинцем.

Возвращение Андрея Исаева спровоцировало острую дискуссию в ОК ВРМП, которая велась вокруг вопроса: «Могут ли рабочие контролировать государственный центр в социалистическом обществе будущего?»

Андрей Исаев привлек к спору в ОК ВРМП меня. Прежде ни в каких оппозиционных группах я не участвовал и представлял собой тип потенциального академического ученого. Мои однокурсники – участники ОК ВРМП первоначально не верили в возможность привлечения такого «научного червя» к оппозиционной активности. Однако научные поиски в это время как раз сделали из меня оппозиционера-одиночку, который жадно искал «братьев по разуму». Еще в школьные годы (в 1981—1982 годах) я пришел к некоторым крамольным выводам.

Из дневника А. Шубина, июнь 1982 года: *«Мы очень недалеко поднялись от того фундамента, который заложили Маркс, Энгельс и Ленин. А время идет, и старый фундамент начинает кое-где давать трещины...»*

Пытаясь рационально переосмыслить наследие классиков, превратить историю в точную науку, способную не только интерпретировать, но и прогнозировать события, я все в большей степени расходился с догматами официальной идеологии. Этому способствовали унаследованная от старших неприязнь к сталинизму, служба в армии, интерес к формационной теории, который очень быстро вывел меня на проблему бюрократии при социализме. Тогда же начались мои теологические поиски.

Из дневника А. Шубина, август 1982 года: *«... Я впервые точно сформулировал свое представление о возможности Высшего разума. Его существование совсем не исключается объективными законами развития природы и общества».*

Служба в армии способствовала быстрому развитию моих революционных настроений. Столкнувшись в армии с дедовщиной, я попытался применить революционную теорию на практике и создал подпольную организацию «молодых» против «дедов». Организация была раскрыта, и от серьезных травм спасло только то, что в этот момент меня в числе группы «строптивых москвичей» перебросили на другое место службы. Там история повторилась, но после нескольких драк все как-то улеглось. Я смог предаться научным размышлениям и даже написал курсовую работу. В армии я пришел к выводу о том, что для преодоления гипертрофии бюрократии в советском обществе необходимо разделение КПСС и создание двухпартийной системы. С этой, как потом оказалось, не оригинальной идеей я и вернулся из армии.

Андрей Исаев нашел во мне благодатный объект агитации, быстро разрушив его многопартийные иллюзии (две партии также будут бюрократическими). Для того чтобы начать разговор на «запретные темы», годился любой повод, любая тема, обсуждавшаяся на занятиях.

Вспоминает А. Исаев: *«Как я тебя вовлекал в подпольную работу? Да ты начал вовлекаться сам. У нас разгорелась дискуссия о „Государстве и революции“ Ленина. Мы шли по улице, и на какое-то мое замечание об этой вещи ты ответил: „Ну, „Государство и революцию“ вообще можно воспринимать как антисоветское произведение“. На что я подумал: „Ого, чувак мыслит в нужном направлении. Нужно продолжать вести с ним разъяснительную работу“. После чего мы разговаривали где-то две недели,*

в основном на станциях метро. После чего я тебе сказал, что есть такая подпольная организация. Но тебя тогда волновала не столько организационная форма, сколько теоретическая дискуссия». Организационная форма тоже интересовала, но не подпольный кружок, а что-то более существенное.

Несколько позднее из армии вернулся еще один будущий участник кружка В. Гурболик. Он придерживался марксистско-ленинских взглядов, но с интересом относился к восточной культуре и религиозным поискам таких мыслителей, как Лев Толстой и Леонид Андреев. К тому же он побывал в Северной Корее, и потому был кладезем информации о крайних проявлениях марксистской практики.

Вспоминает В. Гурболик: *«В армии у меня составилось четкое представление о том, что то, как строится общество здесь, – это совершенно неправильно. Что-то нарушено»¹⁷.*

Как мы видели, подобный же декабристский эффект – осознание неприемлемости «системы» во время службы в армии – был характерен и для других участников «заговора». Разумеется, не все люди приходят в оппозицию через армию, и не все, кто проходит военную службу, обязательно дозревают до социальных выводов, но во всяком случае армия в 80-е очень способствовала созреванию революционеров.

Вспоминает В. Гурболик: *«Я тогда воспринимал это в религиозных терминах. Во мне многое было намешано, но я верил в Бога как смысл всего. Формула моя была такова: „Наука дает ответ на вопрос „как?“, а религия задается вопросом „почему?“ Это была вера в Абсолют. Но религиозным человеком я стал во многом в результате размышлений о несправедливости мироустройства.*

Первым моим учителем был очень странный сверхсрочник Анатолий, который был верующим человеком. Мы с ним подружились, и он мне давал читать псалмы и официальные публикации на религиозные темы. Потом это стало известно КГБ, и стало предметом неприятного разбирательства.

Когда я вернулся домой, особенно после Кореи, я ждал контраста – после нищеты – богатства, после темноты – света, а увидел родственность двух режимов. Эта родственность ощущалась не только мною. Когда я переживал по поводу корейцев, заместитель парторга тихо так мне сказал: «А чего ты за них переживаешь, ты хоть знаешь, что у нас в стране творится?» Поскольку я служил в Ансамбле песни и пляски внутренних войск, я сталкивался и с КГБ, которое бдительно контролировало настроения среди выезжающих в командировки за рубеж, не останавливаясь перед провокациями. Сильное впечатление производили и картины тренировок внутренних войск, предназначенных для подавления волнений. Поэтому я не думал, что систему можно будет относительно бескровно победить. Но именно благодаря этому я не мог симпатизировать такой системе и стал таким стихийным анархистом».

После возвращения из армии Гурболик знакомится с «подпольщиками» как бы вторично, поскольку до армии он был хорошо знаком лишь со мной. Мы участвовали в историческом кружке, где обсуждался «азиатский способ производства», и вместе писали тогда пьесу о Сальвадоре Альенде.

---

¹⁷ Здесь и далее воспоминания В. А. Гурболика записаны в беседе с автором 21 апреля 1998 года.

В. Гурболиков играл на гитаре и пел. Его пение было украшением студенческих посиделок, на которых «подпольщики» осторожно пропагандировали оппозиционные идеи. Песни, под стать идеям, тоже были «подрывными» – из диссидентского цикла Булата Окуджавы, из времен гражданской войны, из казспэшного репертуара. Участники кружка интересовались и рок-культурой, но здесь их привлекало прежде всего оппозиционное социальное содержание, поэтому любимой рок-группой был «Облачный край». Кружок общения, созданный троичей, был весьма притягателен как место духовного общения студентов и критического обсуждения советской действительности.

Вспоминает А. Исаев: *«Володя пригласил нас сам к себе домой после моего доклада о баптистах, потом приглашал несколько раз. В конце концов мы даже заподозрили, а не является ли он агентом КГБ, и потребовали, чтобы он дал честное слово, что таковым не является. Он категорически отказался, чем вызвал новые подозрения. Но потом мы решили, что Володя – не гебист. Кагебэшники, по нашему мнению, дают слово, не моргнув глазом. „Я тогда посчитал, что давать такое слово – ниже моего достоинства“, – пояснил мне позже В. Гурболиков».*

Разговоры о КГБ не были шуткой или игрой. Все воспринималось достаточно серьезно.

В. Гурболиков вспоминает, *что после того как недоразумение выяснилось, друзья обсуждали перспективы своей подпольной работы и пришли к выводу о том, что скорее всего придется «пострадать за правду»: «Речь шла о красном терроре, о психиатрических репрессиях и о том, что может быть за то, чем мы занимаемся, даже за эти разговоры и чтение этих книжечек. Они ушли, а я мыл на кухне посуду и ясно понял, что все очень серьезно, и что отступить некуда, что никуда уже не деться. Ощущение некоторой безысходности».*

В ноябре 1985-го – июле 1986 года приятели находились в состоянии ежедневных многочасовых споров. Этому способствовало то, что мы с Исаевым устроились работать в ночную смену на телевизионный завод «Темп», где можно было спорить ночи напролет. Проанализировав отечественное общество, друзья пришли к выводу о том, что оно не является социалистическим и советским, что в нем присутствует эксплуатация, и эксплуататорским классом является бюрократия. Впоследствии была создана соответствующая формационная теория, рассматривавшая роль бюрократии с древнейших времен.

Естественно, встал вопрос об альтернативе бюрократической диктатуре. Юные теоретики оставались сторонниками социализма, то есть посткапиталистического общества. В тот период подпольные мыслители социалистического направления обычно обращались к опыту революции в поисках первичной ошибки, которая привела к отклонению общественного развития от правильного пути и последующему перерождению революционной партии.

Спор в ОК ВРМП оказался весьма кстати. Исаев показал мне текст одного из участников дискуссии, в котором утверждалось: «Если управители начнут зарываться, то вооруженные рабочие дадут им по ушам». Я написал статью «К вопросу об ушах», сохранившуюся в моем архиве. В этот период подпольные теоретики еще искали пункт перерождения революционеров где-то после 1917 года, лишь постепенно выздоравливая от иллюзий, которыми общество будет болеть несколько лет спустя. Отдавая дань этому антисталинизму, я писал: «В ходе контрреволюционного (и совершенно закономерного) переворота 1923—1938 годов принципы бюрократизма укрепились настолько, что дальнейшее „битие по ушам“ 1953, 1957, 1964 годов имело лишь один результат – всем стало очевидно, что сколько по ушам ни бей, они все равно вылезут».

На первый взгляд, этот экскурс не имеет отношения к точке зрения тов. Неизвестного: там же речь идет о вооруженных рабочих. Но этой грозной силе, если она последует по указанному тов. Неизвестным пути, придется контролировать гигантский склад, в который все ввозится и все, что не сгнило и не растащили, распределяется. Тонкие и неимоверно сложные правила его функционирования знают лишь бюрократы, только этим и занимающиеся. Чтобы контролировать их, вооруженным рабочим придется выделить из своей среды тех, кто только тем и будет заниматься. Вскоре в их сторону из склада потянется им одним ведомая тропинка и они сольются с классом-собственником. Об этом красноречиво свидетельствует опыт 1920—1929 годов». По ходу написания этого текста дата начала перерождения сдвинулась с 1923 на 1920 год. Этот сдвиг указывает на направление эволюции, которое приведет к отказу от марксистско-ленинских рамок идеологии.

Мы с Исаевым под влиянием как собственных исторических штудий, так и работ Михаила Бакунина и Георгия Плеханова (а также разговоров с плехановцем Николаем Кузнецовым) пришли к выводу, что большевики были обречены на перерождение, что причина сталинской «контрреволюции» крылась в фундаментальных особенностях марксистско-ленинской теории.

В марте 1986 года, когда начались публикации о жертвах сталинизма – большевиках-ленинцах, каждый из которых верно служил Сталину до последнего вздоха, Исаев спросил: «Послушайте, а кто эти революционеры, против которых совершался переворот в 1934—1938 годах?» Ни Сергей Киров, ни прочие деятели сталинского политбюро под это определение не подходили. Николай Бухарин и тем более Лев Троцкий, которого участники кружка уже тогда считали предтечей Сталина, на эту роль также не годились. Дата «переворота» со всей очевидностью переносилась к началу 20-х. Но здесь нам пришлось остановиться перед монументом Ленина, работа которого «Государство и революция» во многом питала наши идеи. Пути Господни неисповедимы. Незадолго до разочарования в ленинской гвардии был совершен первый подкоп под фигуру, более фундаментальную, чем сам Ленин. Занимаясь историей I Интернационала, Андрей Исаев обнаружил, какими беспринципными методами Карл Маркс вел борьбу против Михаила Бакунина. Все это настолько напоминало сталинизм, что сработал привычный стереотип – здесь пахнет бюрократией. К февралю 1986 года марксова модель социализма была «разоблачена» как совершенно бюрократическая. Далее рука потянулась к философским и экономическим глубинам марксова учения. Если проработка марксистской философии привела меня к выводам, сильно расходящимся с философской концепцией классиков, то Андрей напал на золотую жилу ранних произведений Маркса и принялся разрабатывать теорию отчуждения. Это спасло престиж: основателя «научного социализма» в наших глазах хотя бы как большого ученого вплоть до весны 1987 года, когда удалось с карандашом в руках прочитать «Капитал».

Авторитет Ленина в глазах членов кружка был окончательно разрушен после прочтения переданного В. Прибыловским «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына весной 1987 года. К этому времени мы уже не были и марксистами. Я принялся писать философскую работу «Ф. Энгельс и конец марксистской классической философии», которую потом зачитывал в пропагандистских целях участникам полуподпольных кружков. Я изобличал Энгельса в отступлении от философского монизма и историософских натяжках, по ходу формулируя собственные представления об основном вопросе философии, соотношении материи и психики, месте сознания в истории, отчуждении и других вопросах.

Таким образом, участники группы быстро прошли путь иллюзий, который официальная публицистика преодолевала в 1988—1991 годы. В то же время теоретики с истфака «отставали» от большинства диссидентской интеллигенции, поскольку продолжали оставаться социалистами. Впрочем, мы увидим, что либерально-западническая позиция также была проанализирована «общинниками» и отвергнута. Печальный опыт западнических реформ начала 90-х годов показывает, что отрицание либерального пути было небезосновательным.

В декабре 1985 года началась выработка модели «общинного социализма». В основе концепции лежала идея самоуправления. Оба «отца-основателя» пришли к выводу, что права трудящихся не должны опосредоваться ни бюрократией, ни буржуазией. Поскольку производство осуществляется коллективно, то и распоряжаться предприятиями должны коллективы (общины) трудящихся. Низовой ячейкой территориальной самоорганизации должна была стать община жителей начиная с собрания жителей дома. Эта идея вытекала из нескольких источников. Большое влияние на нас оказали «Ранние экономико-философские рукописи» Карла Маркса. Критика «отчуждения» была развита Исаевым при моем участии в концепцию преодоления отчуждения в самоуправляющемся коллективе. В 1987 году мы обнаружили, что эти идеи разрабатывались во множестве полуподпольных теоретических кружков. Мы были типичным явлением времени, и затем узнавали «братьев по разуму» по одному слову, своего рода паролю левых социалистов – «отчуждение».

Направление теоретических изысканий студентов истфака во многом зависело от учебной программы.

К каким бы занятиям они ни готовились, в центре внимания были возможности самоуправления и преодоления бюрократизма (позднее – и этатизма). В центре внимания оставались не только история, но и педагогика. Студентам повезло с преподавателем педагогики Н. М. Магомедовым, который устраивал экскурсии в различные экспериментальные школы и обсуждал на семинарах социальные темы.

Вспоминает А. Исаев: *«Еще Николай Михайлович (Магомедов – А. Ш.) любил ставить острые задачи. Он нас послал изучать религиозных детей. Я тогда попал в молитвенный дом к баптистам и сделал на этот счет несколько сообщений, – вспоминает Андрей Исаев об осени 1985 года. – А потом мы ходили в „интересную“ школу на Бронной. Там были бассейны, столы с подогревом, УПК в Государственном радиокомитете и КБ. Мы напоролась на то, что большая часть детей была из привилегированных семей. Предложили Д. Олейникову сделать доклад об элитарной школе и использовали его обсуждение для постановки вопроса о неравенстве в нашем „социалистическом“ обществе».*

Исаев написал реферат о самоуправлении школьников, который (как и реферат Олейникова) занял призовые места на студенческих олимпиадах 1986 года. Он доказывал, что школьников необходимо приучать к самоуправлению с детства. Эта идея соответствовала духу времени и могла помочь выйти в народ под благовидным предлогом педагогической работы. Весной 1986 года преподавательница школы № 734 обратилась к А. Исаеву (когда-то он учился в этой школе и жил по соседству) с предложением создать дискуссионный клуб «К человеку». Идея дискуссионного клуба как формы агитации уже обсуждалась «заговорщиками», и они приняли предложение. Работа клуба началась осенью. Весной Исаев читал в школе свой пропагандистский рассказ «Исповедь общественного насекомого», сравнивавший бюрократический социализм с муравейником, доклад о Сергее Нечаеве с намеками на коммунистов XX века.

Занимаясь педагогическими изысканиями, я подошел к проблеме самоуправления с другой стороны, нежели Исаев. Культурные стереотипы нынешнего авторитарного общества передаются по наследству от поколения к поколению. Я пришел к выводу о необходимости создания

воспитательных коллективов, основанных на передовых достижениях педагогики. В реферате, посвященном этой теме, я писал, что «общественные учреждения должны интегрировать семью в союзе с коммуной путем здорового свободного соревнования».

Педагогическая община (коммуна) должна была стать авангардом социально-культурной трансформации общества. По мнению юных педагогов, социальные изменения должны были идти рука об руку с формированием нового сознания, культурной адекватности нового поколения новым отношениям. Как показали последующие события, этот элемент нашей идеологии оказался вторичным, и «общинники» были готовы бросить свою теорию в массы до того, как сформирован культурный слой, способный адекватно воспринять эти идеи. Педагогические эксперименты воспринимались нами как вспомогательное направление, поскольку социальная система была враждебна неказарменной педагогике и неизбежно разрушила бы ее очаги. Социально-политическая революция должна была расчистить место и для педагогических инициатив. (По окончании революционных событий конца 80-х – начала 90-х я вернулся к идеям педагогического поселения как анклава будущего социального устройства, участвуя в работе общины «Китеж».)

Пока теоретики вели поиск модели общества, которая могла бы обеспечить демократические и справедливые отношения в масштабах целой страны, а не одного «детского дома». Это должно было быть общество (социум), в котором будет отсутствовать господствующая олигархическая группировка, общество, контролируемое не олигархией (феодальной, буржуазной или бюрократической), а объединениями (сообществами, социумами) тружеников. То есть социализм.

В поиске ответа на вопрос о том, как может быть устроено новое социалистическое общество, как можно избежать перерождения, которое постигло прошлую попытку достичь такого общественного устройства, сыграли большую роль профессиональные интересы молодых историков. Изучение народнических идей и практики общинного самоуправления убедило нас в преимуществах общинного социализма для России (тем более что против этого не возражал и Маркс). Оба юных теоретика поддерживали идею рыночного социализма, но Исаев в большей степени склонялся к поддержке рыночных механизмов, а я – регулирующих, и даже предложил идею демократического планирования, когда все население и предприятия сдают информацию о своих потребностях и способностях в единый банк информации, специалисты которого вырабатывают единый план путем калькуляции этих данных. Исаев относительно быстро разрушил эту модель, показав, что точное описание свойств потребительской продукции в таких масштабах невозможно, оценка качества продукции спорна, а изменение потребностей во времени приведет к навязыванию потребителю ненужного ему продукта. Позднее, в 1987 году, «общинные социалисты» познакомились с работами Я. Корнай, подтверждавшими выводы Исаева.

В январе – феврале 1986 года Исаев склонялся к идее немедленной ликвидации бюрократической надстройки и революционного перехода к свободной конкуренции коллективизированных предприятий. Я категорически воспротивился этому, указывая на социальные последствия быстрого перехода к свободному рынку – расслоение коллективов, разорение предприятий, безработица и так далее. В этот период дискуссия больше всего приблизилась к либеральным выводам. Но не надолго.

В рукописи 1988 года я вспоминал по неостывшим следам событий, что тогда «засел за литературу о западных странах. Бюрократизм, психическая эксплуатация человека, подавление инакомыслия и, что самое главное, – неспособность решить проблемы стран третьего мира... Но одним стереотипом стало меньше – стереотипом принципиального отличия западной и восточной систем. Но стоило мне во время очередного спора начать резко критиковать капиталистическую систему, Андрей тут же

согласился и перешел к другому вопросу. Мне даже стало обидно – оказывается, все это время он прорабатывал тот же вопрос».

В начале 1986 года мы согласились, что социализм будущего будет рыночным, но рынок при этом должен быть не свободным, а регулируемым. Самоуправляющиеся коллективы трудящихся и организации потребителей должны предварительно согласовывать свои интересы. Для таких согласований необходимо было бы создать федерации жителей (потребителей) и производителей (поэтому члены группы часто идентифицировали себя как «федералисты»). Для того чтобы система была работоспособной, Исаев предложил бакунинскую систему делегирования – формирование вышестоящих органов из делегатов нижестоящих с правом отзыва и императивным мандатом. Этот своего рода постоянно действующий референдум организованных групп был призван «расташить» корпоративный интерес бюрократии на интересы нижестоящих организаций и в то же время скоординировать их. Чтобы каждый орган был достаточно компактен и работоспособен, система предполагалась ступенчатой. (Несколько позднее выяснилось, что подобным образом были устроены Советы первых лет революции (хотя им не хватало стройности, что, по мнению «общинных социалистов», стало важнейшим фактором перерождения советской системы), да и вообще любые федеративные органы. С этого времени система делегирования стала одной из ключевых идей «общинников».)

Осознав себя в качестве рыночных социалистов, подпольщики начали изучать все, что можно было достать о восточноевропейских теоретиках рыночного социализма Э. Карделе и О. Шике. Но основное внимание обращалось на наследие народников, и прежде всего Михаила Бакунина. Это, впрочем, не означает, что все идеи, почерпнутые из литературы, принимались будущими «общинниками». Даже Бакунин, в наибольшей степени повлиявший на их взгляды в этот период, воспринимался критически и выборочно. Его революционная тактика и поэтизация революционного взрыва были признаны устаревшими. Это неудивительно, поскольку одновременно шло изучение практики российской революции. Философские поиски шли с учетом наследия Бакунина, но не в рамках его выводов. В то же время Бакунин завораживал яркостью образов и лозунгов, непривычным свободомыслием, поэтикой свободы. Даже не соглашаясь с ним, ему хотелось подражать, обрубая марксистские корни своих взглядов.

Еще зимой Исаев склонял меня к тому, чтобы присоединиться к ОК ВРМП. Весной 1986 года он пригласил меня на семинар ОК ВРМП, посвященный философии Э. Ильенкова. Но поскольку в марксистской философии я уже разочаровался, то и к участию в ОК ВРМП интереса не проявил. Бакунистские поиски Андрея Исаева также не вызвали поддержки в ОК ВРМП, и центр тяжести его теоретической работы переместился в микрокружок, состоявший из нас двоих и Гурболикова. Мы ходили по Москве, сидели в кафе и обсуждали проблемы общества, социализма, возможности политической деятельности в СССР.

Перенос активности Андрея Исаева вне ОК ВРМП привел к фактическому развалу этой организации. Часть ее членов углубленно занялась философией, А. Василивецкий и В. Губарев позднее участвовали в общинно-социалистическом движении. Мы с Исаевым продолжали свои ночные споры на заводе «Темп».

По выражению нашего напарника, мы напоминали братьев Стругацких, которые решили, что их роман ляжет в основу государственного устройства. (Точнее сказать, безгосударственного.) Это было своего рода сражение антиутопий, в котором мы не скупились на ярлыки. В конечном итоге позиции заострились настолько, что мы начали обвинять друг друга в ужасных замыслах порабощения трудящихся самыми разными новыми классами. Когда под утро я предложил некий выход из тупика, разгоряченный Исаев вскричал: «Это экономический маразм!» Взбешенный, я поехал домой и начал собирать материал в подтверждение своей версии. Но Андрей опять

разочаровал меня. Когда, готовый к бою, я встретился с ним днем, Исаев сообщил, что, пожалуй, мы достигли консенсуса.

Суть разногласий, которые 23-25 июля 1986 года чуть не привели к разрыву между друзьями, заключалась в принципе построения координирующих органов. Исаев склонялся к идее преобладания отраслевых органов координации, подобных профсоюзам (синдикализм), а я считал предпочтительной территориальную координацию (коммунализм). Соответственной была и критика друг друга: я обвинял Исаева в намерении заменить государственную бюрократию профсоюзной, а Исаев меня – в стремлении насадить коммуны с натурализированным хозяйством. Выход был найден в сетевой структуре, когда каждый коллектив входит как в отраслевую, так и в территориальную федерацию, но при стремлении к формированию территориально-производственных комплексов (это должно было обеспечить демократический контроль за экономикой со стороны населения, ограничить глобализацию рынка и со временем сделать размещение производства более рациональным).

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

В НАЧАЛЕ 1986 ГОДА были разработаны и основные тактические идеи «подпольщиков». Авторы идеи чувствовали себя робинзонами в бескрайнем океане СССР. Необходимо было распропагандировать еще несколько человек, чтобы можно было создать агитационную группу.

Ключевой методикой пропаганды считалась ломка стереотипов, то есть разоблачение основных мифов официальной идеологии с постепенным заполнением образовавшегося вакуума альтернативными идеями.

«Отцы-основатели» перешли к осторожной агитации на семинарах, ломая стереотипы под видом академических дискуссий. Наступление на официальную позицию нравилось студентам, и молодые радикалы приобрели первую популярность, пока в качестве удачливых спорщиков с преподавателями. Одновременно троица искала организационные формы выхода из подполья.

Атмосферу дискуссий между приятелями передает листок бумаги, на котором друзья обсуждали во время семинара по педагогике проблему школьного дискуссионного клуба, вкрапляя в невинную тему намеки на вопросы, обсуждавшиеся во время «подпольных» разговоров:

«Гурболиков. Что такое школьный клуб как новая форма внеурочной работы?»

Исаев. Ничего принципиально нового нет. Детские коммуны в стиле Иванова – то же самое (имеется в виду коммунаское педагогическое движение. – А. Ш.). Разница в том, что он при школе в соответствии с традициями и потребностями данной школы.

Гурболиков. Понимаешь, нужно точно определить, что мы имеем в виду. А то все формы работ – кружки и так далее – перечислены, ясны, разбиты в пух и прах, а что же, собственно, предлагается взамен конкретно?

Шубин. Конкретно – синтез их всех, а не сумма...

Исаев. Никому Магомет (преподаватель педагогики Магомедов. – А. Ш.) ничего сказать не дает. Всех вас он изведет под корень! (Справедливости ради надо отметить, что Магомедов покровительствовал «подпольщикам», и фраза Исаева связана с минутной ситуацией на семинаре. – А. Ш.) И вообще, «не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиньями, дабы они поворотившись к вам не растерзали вас». (Имеется в виду предложение

Шубина изложить «общинную» идею в виде педагогического реферата. – А. Ш.)

Гурболиков. Шура! А может быть, пророк Исая прав? И нам стоит объявить политическую стачку и отказаться от публичного чтения рефератов? Как истинные борцы, мы должны занять самую решительную, революционную позицию! Нет буржуазному либерализму! Нет кунинско-олейниковской реакции и тоталитаризму Горского (Е. Кунин, Д. Олейников, В. Горский – приятели «подпольщиков» по группе, скептически относившиеся к их «подрывной» активности. – А. Ш.)! Ура! За Родину! Вперед!!!

Шубин. Исая не пророк. Политическая стачка исчерпала себя в 1979 году (в Никарагуа), на данном этапе – мы все вместе – не истинные борцы – леваков – на мыло...

Исаев...Пророк не роскошь, а средство социального продвижения – политическая стачка неисчерпаема как средство борьбы, но в данном случае неуместна. Вам обоим надо выступить, но в стиле: мы вскрываем проблемы и указываем основные пути разрешения. Никаких конкретных форм назвать не можем, да и не нужно (к ним привяжутся, а не в этом суть)... Горский очень опасен, с идеей клуба он знаком от меня, считает его практическим воплощением бакунизма. Видимо, будет драться...»

Последние слова относились уже не столько к школьному клубу, сколько к более общей идее дискуссионного клуба, который «революционные борцы» хотели создать для перехода к открытой агитации.

Было решено создать дискуссионный клуб, на котором легально обсуждать общественно-политические проблемы, постепенно прощупывая рамки дозволенного. Затем планы «революционеров» пошли дальше. При клубе необходимо было создать лекционное общество (ЛО), через которое агитаторы группы могли бы вести работу с рабочими и служащими. По мере успеха этой работы предполагалось создать трудовые общественные союзы (ТОСы) и развернуть с их помощью оппозиционную работу по образцу польской «Солидарности» – с демонстрациями, забастовками и так далее. Вся система некоторое время именовалась «Лотос». «Лотосы» должны были создаваться и в других городах страны, в результате чего должна была возникнуть всесоюзная организация.

Юные теоретики считали, что параллельно в условиях кризиса возникнет вооруженное движение против коммунистов («Антибюрократическая армия»), к которому «Лотос» не должен присоединяться, но которое может стать важным аргументом в давлении на власти (тактика либералов и умеренных народников в период народовольческого террора). Ненасильственный характер предполагавшегося оппозиционного движения сначала был обусловлен тактическими соображениями, осознанием мощи репрессивного аппарата, но позднее, в ходе философских дискуссий 1987 года, идеологи движения пришли к выводу, что ненасилие – дело принципа и что насильственное социалистическое движение приведет к тоталитарным результатам. Также предполагалось, что после первых успехов ненасильственной революции коммунистам удастся одержать победу. Основываясь на опыте революций в России, Никарагуа и Польше, молодые леваки полагали, что в ходе первого натиска удастся создать систему связей между различными гражданскими движениями и добиться большего уровня свободы, чем до революции. Это позволит затем перегруппироваться в полуподпольных условиях и нанести режиму окончательный удар где-то на грани веков.

Самое удивительное, что тактическая схема 1986 года была частично осуществлена. Во второй половине этого года был создан дискуссионный клуб и началась агитация, тогда же я начал работать в обществе «Знание», под прикрытием которого в 1986—1989 годах провел несколько сот лекций оппозиционного содержания на заводах и в учреждениях Тимирязев-

ского района Москвы (в 1989—1993 годах жители этого района устойчиво голосовали против коммунистов). Союз оппозиционных социалистических политклубов был создан в 1988 году. В 1987-м началась пропаганда на предприятиях. В 1989-м установились устойчивые связи с рабочим движением. В 1988—1989 годах оппозиционное движение, в котором «общинные социалисты» играли одну из ключевых ролей, стало массовым. По счастью, не возникло никакой «Антибюрократической армии». Зато в части свержения коммунистического режима оппозиционеры даже переусердствовали. Впрочем, бюрократический режим, изменив форму, устоял.

Пока «общинные социалисты» продумывали стратегию создания революционного движения «из себя», старшие товарищи принялись формировать гражданское общество из того, что было.

КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ формирование гражданского общества было успешно завершено, его элементы должны были соединиться в целое. Соединить их могла только политизированная структура, переплетающая в единый травяной покров корни пробивающихся к небу травинок. Поле гражданского общества нужно было собрать воедино.

Эту задачу взял на себя Клуб социальных инициатив, возникший в Москве в сентябре 1986 года. Клуб не мог не возникнуть, так как для него созрела социальная ниша. Символично, что при его рождении в качестве повивальных бабок присутствовали практически все такие разные общественные течения: самое древнее неполитическое неформальное движение – коммунаское, осколки диссидентства, социологическая наука и даже «компьютерная революция». Точкой, где им суждено было сойтись, сначала стал Арбат.

М. В. Малютин рассказывает о Клубе социальных инициатив:
«Началось все с того, что на Арбате была создана в 86-м году эта пешеходная зона... И это самим фактом своего возникновения создало некую новую среду для общения»¹⁸.

Здесь закипели дискуссии на темы культуры (пока без явного оппозиционного содержания). Рядом находился «красный уголок», где по инициативе программиста С. Патчикова был создан компьютерный детский клуб «Компьютер» на базе районного детского клуба «Наш Арбат». Компьютеры предоставил Гарри Каспаров, купивший их после очередного матча с Анатолием Карповым. Это было первое в Москве скопление персональных компьютеров, доступное простым гражданам. Никакой политики в этом начинании пока не было. Программисты писали программные продукты, дети осваивали первые виртуальные игрушки. Но в удобном расположенный клуб стали заходить люди, искавшие общественного «дела». Так сказать, «на огонек». Образовалось несколько секций клуба «Наш Арбат» – компьютерная, театральная, художественная.

---

¹⁸ Рассказ М. В. Малютина о Клубе социальных инициатив // www.igrunov.ru <<http://igrunov.ru>>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.